

2021-10-12 В экономическом болоте

В конце минувшего месяца президент В. Путин торжественно объявил, что по итогам первых семи месяцев этого года российский «ВВП вышел на докризисный уровень». Следовало бы только добавить: на ЖАЛКИЙ докризисный уровень...

В самом деле, что означает с гордостью разрекламированный рост ВВП на 4,4 процента за январь — июль нынешнего года? Любой экономист скажет, что мы наблюдаем хорошо известный эффект восстановительного роста экономики после провала в прошлом коронавирусном году. Это явление хорошо знакомо во всём мире, поэтому сами по себе цифры такого восстановления ещё ничего не говорят о том, в каком качестве находится российская экономика на настоящий момент и, самое главное, какие у неё перспективы.

Между тем уже сейчас очевидно, что перспективы эти, мягко говоря, не радужные. Во-первых, «Правда» уже сообщала, что в представленном проекте федерального бюджета на 2022 год и плановые 2023—2024 годы рост отечественной экономики изначально намечается не более чем на 3 процента ежегодно. При этом, как все понимают, данный прогноз — официальный, другими словами — наиболее оптимистичный. А вот по оценке директора Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (РАН) Александра Широва, в следующем году «мы не видим возможности роста ВВП выше, чем на 2,5—2,6 процента».

В дальнейшем же, по имеющимся экспертным оценкам, темпы роста вряд ли будут превышать 2 процента. Такие цифры нам хорошо знакомы, не правда ли? Это ведь тот самый жалкий рост, который был у России в докризисный период. Именно при таких черепаших темпах доля нашей страны и скатилась до менее 2 процентов в мировой

экономике. И неуклюжие попытки «повысить» эту долю, «натянуть» современной России более высокое место в мире за счёт использования неофициального, во многом искусственного метода расчёта ВВП по паритету покупательной способности выглядят просто смешно.

Но самое главное, что в ближайшие годы нам и эти несчастные 2 процента не светят. Судите сами: уже в нынешнем году упомянутый восстановительный рост всё равно далеко отстанет от прогнозируемого среднемирового, который, согласно оценке главного экономиста Внешэкономбанка (в недавнем прошлом — заместителя министра экономического развития РФ) Андрея Клепача, составит 5,9 процента. В последующий период рост мировой экономики в целом достигнет в среднем 3,8 процента в год, что опять же будет существенно выше прогнозируемого российского.

Как следствие, уже начиная с нынешнего года по неумолимым законам даже не средней (тем более — не высшей) математики, а арифметики для первоклассников эта нищенская — иначе не назовёшь! — докризисная доля России в мировом хозяйстве в условиях так называемого выхода из кризиса будет снижаться ещё больше. «Вытянуть» экономический рост даже на мировые темпы — не говоря уже о темпах выше среднемировых — не получается в принципе, и потому страна продолжает находиться в глубоком экономическом болоте, увязая в нём всё сильнее.

Второе, что делает перспективы сегодняшней России в мировом хозяйстве всё менее радужными, — это продолжающееся научно-технологическое отставание, преодолеть которое при проводимом социально-экономическом курсе невозможно. Такое отставание попросту запрограммировано в самой существующей системе, ориентированной, если говорить прямо, на продолжение разбазаривания углеводородных ресурсов — нефти и газа. К примеру, чем, как не страстным желанием «выколотить» как можно больше денег с европейского рынка за природный газ, обусловлена вся сегодняшняя пропагандистская шумиха вокруг введения в строй «Северного потока-2»? При том что мы хорошо знаем: дополнительные деньги пойдут вовсе не российским пенсионерам (им, конечно же, и 10-тысячной подачки довольно!), а в карманы «патриотически настроенных» олигархов и кормящегося с их рук чиновничества.

В этой ситуации на «голодном пайке» находятся не только наши пенсионеры (да и миллионы более молодых россиян тоже), но и наука — как фундаментальная, так и прикладная. Упомянутый выше А. Клепач напоминает, что в стране отмечается «двенадцатилетняя стагнация расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы относительно роста ВВП». А разве без кардинального

повышения вложений в науку можно добиться увеличения технологического оснащения производства?

Такого увеличения и не происходит. Бодрые же и постоянные разглагольствования того же В. Соловьёва на его «Вечерах...» о том, что расходы на военно-промышленную сферу обязательно-де окупаются достижениями в сугубо мирных областях, в случае с нынешней Россией не работают. Механизма переноса достижений из сферы ВПК в гражданскую экономику как не было, так до сих пор и нет. И потому достижения отечественных оборонщиков (во многом обеспеченные благодаря ещё советской научно-технической базе), будь то «посейдоны», «цирконы» или «кинжалы», практически не отражаются (или отражаются в очень малых объёмах) на остальной экономике.

Отдельные показушные, громогласно рекламируемые мероприятия пока мало что реального несут. Можно хоть весь эфир заполнить пропагандистскими воплями, можно даже организовывать специальные показушные полёты в космос для съёмки фильма, но положение с IT-оборудованием в наших компаниях не меняется: оно более чем на 80 процентов (а по некоторым позициям — вплоть до 100 процентов) — импортное. Где же, наконец, собственные разработки? Где свои новейшие мирные технологии?

И потому, например, горькая ирония сквозит в том, что даже в той самой нефтегазовой области, которая, если говорить прямо, продолжает кормить сегодняшнюю Россию, фактически приходится ориентироваться на новейшие западные технологии. Известный экономист-международник, действительный член (академик) РАН Наталья Иванова напоминает, что успехи, достигнутые Россией в нефтедобыче в начале 2000-х годов, были во многом обеспечены благодаря использованию американских, британских и норвежских технологий. В результате же объявленных после 2014 года санкций (к слову, о пресловутой «пользе санкций» для российской экономики!) приток новейших технологий для нефтедобычи прекратился, и заменить их по сей день не удаётся.

И напоследок — ещё раз об экономическом росте, но не о количественных показателях, а уже о его качестве. Дело в том, что даже достижение малых процентов роста, неприятное и показательное само по себе, может нести в себе ещё и основу консервирования технологического отставания и в дальнейшем. Простой пример: увлечение в течение всех последних предковидных лет открытием всё большего количества — нет, не просто автомобильных, а именно автосборочных — заводов в различных российских регионах.

А что такое конечная сборка пусть даже высокотехнологичных, но чужих продуктов? Обратимся ещё раз к примерам, которые приводит академик Н. Иванова. Известная всему миру, в том числе в России, знаменитая корпорация «Эппл» собирает свои столь же знаменитые смартфоны в Китае, а продаёт их по всему миру. Так вот, специалисты подсчитали, что доля китайских сборщиков в итоговой цене данного устройства в среднем не превышает 5 процентов. Всё остальное — от брендового, как принято говорить, названия до самой технологии и основных «умных» узлов и деталей — принадлежит американским «партнёрам» и обеспечивает им остальные 95 процентов дохода с продажи.

Можно, конечно, сказать что-нибудь типа того, что при огромных масштабах китайской экономики и 5 процентов — немалая-де величина, да только в Китае серьёзно озабочены подобной ситуацией, сложившейся в предыдущие годы, и не только в отношениях с одной указанной корпорацией. России же просто жизненно необходимо учитывать зарубежный опыт и не допустить окончательной деградации остающихся ещё с советских времён «островков» некогда могучей фундаментальной и прикладной науки, оказавшейся сегодня, по сути, вне экономики.

Олег ЧЕРКОВЕЦ, доктор экономических наук.